

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

А. А. Зализняк

ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Доклад прочитан на научной сессии Общего собрания Российской академии наук «Русский язык в современном мире», состоявшейся в РАН 19 декабря 2007 года, и публикуется на основе полученного текста выступления.

Редакция

Одну из традиционных для последних двух веков дискуссионных проблем из области истории русской литературы и культуры составляет вопрос о происхождении «Слова о полку Игореве».

Противостоят друг другу две точки зрения — что это подлинное произведение, созданное в древнерусскую эпоху, и что это подделка конца XVIII века, созданная незадолго до первой публикации этого произведения в 1800 году. Разрешение этой дилеммы чрезвычайно затруднено тем, что рукописный сборник, в составе которого было «Слово о полку Игореве», по сохранившимся сведениям (впрочем, не совсем чётким), погиб при нашествии Наполеона в великом московском пожаре 1812 года. Тем самым анализ почерка, бумаги, чернил в данном случае невозможен.

Дискуссия между сторонниками и противниками подлинности «Слова» возникла уже вскоре после публикации памятника и не угасает до сих пор. К сожалению, в этой дискуссии немалую роль играли и играют не собственно научные аргументы, а страсти и пристрастия.

Литературоведческие и историко-культурные аргументы, выдвигавшиеся с обеих сторон в этой дискуссии, всё же не обеспечивают строгого и однозначного решения проблемы. Больше шансов здесь у лингвистики, поскольку она позволяет достичь более высокой степени строгости, чем в других гуманитарных дисциплинах.

Русские рукописи XI — XVI веков можно подразделить так:

1) созданные в XI — XIV веках и дошедшие до нас в записях той же эпохи; это чистый древнерусский язык во всех его аспектах (грамматика, фонетика, орфография);

2) созданные в XI — XIV веках, но дошедшие в списках XV — XVI веков; здесь сохраняется древнерусская грамматика (иногда с некоторыми ошибками), но писец уже произносит слова не по-древнему, а в соответствии с фонетикой своего времени и записывает по более поздней орфографии;

3) созданные в XV — XVI веках; это уже более поздняя («старовеликорусская») не только фонетика и орфография, но и грамматика.

Лингвистический анализ «Слова о полку Игореве» даёт следующий результат: все основные характеристики (фонетические, орфографические, морфологические, синтаксические) здесь такие же, как в памятниках второй из этих трёх групп. А от первой и от третьей группы имеются чёткие отличия. «Слово» совпадает с памятниками второй группы по нескольким десяткам параметров, в том числе таких, где соответствующее грамматическое правило отличается высокой сложностью. Даже имеющиеся в тексте «Слова» ошибки — в точности такие же, какие характерны для писцов XV — XVI веков.

Никаких языковых элементов, которые принадлежали бы языку XVIII века и не могли бы в то же время принадлежать языку переписчиков XV — XVI веков, в тексте «Слова» нет.

Выясняется, кроме того, что в «Слове» есть такие отклонения от фонетических, орфографических и морфологических норм, которые в рукописях XV — XVI веков встречаются только

у писцов великорусского Северо-Запада и северной Белоруссии и возникают в силу особенностей соответствующих диалектов.

Вывод:

либо «Слово о полку Игореве» и есть древнее сочинение, дошедшее в списке XV — XVI веков, сделанном северо-западным писцом, — в тексте нет никаких элементов, которые исключали бы такую версию;

либо все эти языковые характеристики искусственно воспроизвел умелый фальсификатор (или имитатор) XVIII века.

Тем самым проблема сводится к тому, чтобы сделать обоснованный выбор между этими двумя возможностями.

В версии подлинности никаких дополнительных объяснений здесь не требуется.

В версии поддельности необходимо выяснить, каким образом фальсификатор мог достичь такого результата. Разумеется, он непременно должен был быть знаком с каким-то числом подлинных древних рукописей. Для воспроизведения древнего языка у него было в принципе два пути: интуитивная имитация языка каких-то прочитанных им рукописей или познание всех необходимых языковых характеристик и умение их применить к сочинению текста.

Вариант с непосредственной (интуитивной) имитацией.

Имитатор должен был создать сочинение, которое, во-первых, соответствовало бы всем общим древнерусским нормам, во-вторых, обладало бы индивидуальными языковыми особенностями некоторого образца — какой-то конкретной рукописи, представляющей собой список XV — XVI веков с древнего подлинника, сделанный северо-западным писцом.

Это примерно то же, как если бы сейчас русскому человеку, не владеющему украинским языком и не имеющему отношения к лингвистике, дали в подлиннике собрание сочинений, допустим, Коцюбинского и, если пожелает, то и другие книги по-украински и предложили сочинить на некую заданную тему украинский текст страниц на десять, причём с индивидуальными особенностями языка Коцюбинского. Каковы шансы на то, что его сочинение успешно прошло бы контроль со стороны лингвистов, то есть что они не отличили бы его язык от подлинного украинского и вдобавок признали бы его похожим на язык Коцюбинского? Весь накопленный ныне опыт наблюдений над тем, как люди осваивают иностранные языки, говорит за то, что шансы на успех здесь имел бы только гениальный имитатор.

Но даже и этой аналогии в данном случае недостаточно. Как показывает изучение, рукописи, совпадающей по всем своим языковым характеристикам со «Словом о полку Игореве», не существует. Любая реальная рукопись XV — XVI веков в каких-то характеристиках с ним расходится. Это значит, что имитатор не мог ориентироваться во всём на один образец. Он должен был в одних фонетических и грамматических пунктах «настраивать себя» на один образец, в других — на другой, в третьих — на третий.

Никаких примеров интуитивной имитации такой невероятной степени сложности история не знает. Гений имитации, возможно, сумел бы сделать и это (поскольку за гением при желании можно предполагать практически безграничные способности). Но человек, не являющийся гением, этого сделать безусловно не мог.

Вариант с научным овладением всеми теми закономерностями строения текста, которые реально соблюдены в «Слове о полку Игореве».

В этом случае фальсификатор должен был быть первоклассным лингвистом, который поставил себе сознательную цель создать у своих будущих критиков впечатление, что перед ними древнее сочинение, переписанное на Северо-Западе в XV — XVI веках. Для этого он должен был воспроизвести в своем тексте: 1) древнейшие грамматические черты; 2) особенности их передачи и частичного искажения писцами XV — XVI веков; 3) северо-западные диалектные черты. И следует отметить, что он заботился исключительно о мнении далёких потомков, ибо несомненно понимал, что в современном ему обществе никто не имел никакого понятия о всех этих материях и никак не мог оценить его виртуозности.

Необходимо, однако, ясно представлять себе общую ситуацию в конце XVIII века. Исторической лингвистики, т.е. науки об изменении языков во времени, ещё не существует, до её первых шагов ещё остаются десятилетия. Никаких каталогов рукописей ещё нет. Даже просто установить, относится ли конкретная рукопись к древнейшим векам, или к XV веку, или к XVII веку, можно только в качестве особого научного достижения — поскольку подавляющее большинство русских рукописей не датировано, т.е. не имеет даты в тексте, а палеография, позволяющая датировать рукописи по форме букв, ещё находится в совершенно зачаточном состоянии. Никаких грамматик древнерусского языка ещё нет. Никаких описаний фонетики и орфографии древних рукописей ещё нет.

Все эти знания были накоплены исторической лингвистикой лишь на протяжении последующих двух веков, трудами сотен филологов, включая десятки высокоталантливых. На этом пути был сделан ряд выдающихся открытий, без которых наши нынешние знания об истории русского языка были бы невозможны. Два примера: в 1890-е годы Александр Иванович Соболевский открыл, что в XV — XVI вв. в русских рукописях использовалась особая орфография южнославянского происхождения, которой не было ни до, ни после этого периода. Тогда же Якоб Вакернагель открыл закон, которому в древних индоевропейских языках подчинялось расположение во фразе энклитик — безударных служебных слов. И так далее, в десятках пунктов.

И вот всех этих знаний наш фальсификатор должен был достичь сам — начиная от открытия самого фундаментального принципа изменяемости языка во времени и кончая сотнями конкретных деталей из фонетики, орфографии и грамматики рукописей разных веков и разных уголков Руси. Среди прочего он должен был сделать — на век раньше Соболевского и Вакернагеля — открытия обоих этих учёных, поскольку в сочинённом им «Слове о полку Игореве» представлена южнославянская орфография, а энклитики размещены в точном соответствии с законом, который носит ныне имя Вакернагеля. Не зная всех этих больших и малых правил, он неизбежно допустил бы в своём сочинении целый ряд ошибок; между тем в «Слове о полку Игореве» таких ошибок нет.

Лингвист, равный по потенциалу совокупности десятков и сотен своих более поздних коллег, — несомненно, безмерный гений. И столь же уникально и его поведение: будучи великим учёным, он не оставил потомкам ни слова обо всех своих открытиях, вместо этого пожелав для себя полной вечной безвестности.

Таков итог анализа языка «Слова о полку Игореве». Подделка не является абсолютно невозможной, но её можно допустить только в том предположении, что её осуществил некий гений, причём пожелавший полностью скрыть от человечества свою гениальность.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

В.А.Кучкин

<http://www.tellur.ru/~historia/archive/04-00/slovo.htm>

XI ВЕК В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Когда в конце 80-х или в начале 90-х годов XVIII в. было открыто "Слово о полку Игореве", то главное, что привлекло к себе внимание лиц, знакомившихся с памятником, были его высокие художественные достоинства. "Прекрасное Похвальное Слово Игорю Святославличу" - так характеризовал произведение И.П.Елагин, первым процитировавший поэму в своем "Опыте повествования о России", написанном до лета 1791 г., а при вторичном редактировании и, видимо, после дополнительного ознакомления с рукописью добавил: "Слово сие преизполнено всеможняя риторския красоты" ¹. Поэтому неслучайно, что поэт М.М.Херасков при переиздании в 1797 г. своей поэмы "Владимир", посвященной князю - крестителю Руси, добавил в нее такие строки:

*Так Игорева песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер твоим стихам;
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины..,*
оценивая "Игореву песнь" прежде всего с художественной и эстетической сторон ².

Действительно, такие выражения "Слова о полку Игореве" как Боян "своя вѣща прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху", "лице жь бы потяту быти, неже полонену быти", "крычать тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспущени", "камо, туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, - тамо лежать поганяя головы половецкыя", "въ княжихъ крамолахъ вѣци человекомъ скратишась", "ничить трава жалощами, а древо с туюю къ земли преклонилося", "печаль жирна тече средь земли Рускыи", "злато слово слезами смѣшено", "ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божа не минути", "възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано", "страны ради, гради весели"³ ярко свидетельствовали о высокой художественности и благородной патетике древнего произведения, образности и точности его языка, который недаром позднее был назван роскошным.

Для образованной придворной части русского общества конца XVIII в., воспитанной на изящных искусствах, именно стилистика "Слова", его тонкая метафоричность и меткая афористичность, богатство и красочность эпитетов были наиболее понятны и важны, они привлекали прежде всего.

Сложнее было с оценкой исторических свидетельств, содержащихся в "Слове о полку Игореве". Науками занимались куда меньше, даже гуманитарными, и русскую историю знали не очень хорошо, если не сказать плохо. Характерны в этом отношении колебания И.П.Елагина. Свою выписку из древней поэмы он поместил не там, где рассказывал о событиях XII в., в частности, о неудачном походе новгород-северского князя Игоря на половцев в 1185 г., а при описании правления Ивана III, под 1472 г. Сначала автор "Опыта повествования о России" определил "Слово" как относящееся к "Игорю Святославичу, внуку Ольгову" на основании самоназвания древнего памятника, но не зная, кто такой князь Игорь, при вторичной правке рукописи "Опыта" решил, что речь в поэме идет о князе не Игоре Святославиче, а о князе Игоре Ольговиче, Святославовом внуке и что он просто неверно прочел текст: запятая должна стоять не перед словом "внуку", а после него. Игорь Ольгович в конце XVIII в. был известен значительно лучше, чем Игорь Святославич. Возшедший было на киевский стол после смерти своего старшего брата Всеволода, Игорь Ольгович не просидел на нем и двух недель. 13 августа 1146 г. он был разбит внуком Владимира Мономаха Изяславом Мстиславичем, его конь увяз в болоте, сам Игорь Ольгович, болевший ногами, слезть с коня не смог, попал в плен, а примерно через год, 19 сентября 1147 г. его, уже принявшего схиму, убили киевляне. Имя Игоря Ольговича было внесено в святцы. Все это знал И.П.Елагин, а князь Игорь Святославич, внук Олега Святославича, ему известен не был. Поэтому в "Опыте повествования о России" во вставке с цитатой из "Слова" И.П.Елагин вычеркнул слова "Святославичу, внуку Ольгову", а вместо них написал "Ольговичу". Тем самым открылась возможность датировки памятника, и И.П.Елагин решил, что "Слово" - "в начале XII века писанное"⁴. Через некоторое время выяснилось, что разыскания И.П.Елагина неверны, его отождествление главного героя поэмы ошибочно, "Слово о полку Игореве" посвящено походу на половцев в 1185 г. князя Новгорода Северского Игоря Святославича.

Одна ошибка была исправлена, но возникали другие. В подготовленном для Екатерины II переводе "Слова о полку Игореве", который был закончен до 6 (17) ноября 1796 г., когда скончалась императрица, говорилось, что "княгиня Ярославна супруга младаго Владимира князя Путимльскаго. . ." ⁵, хотя Ярославна приходилась Владимиру не женой, а матерью. Даже в первом издании памятника 1800 года в комментариях к отрывку "Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти" относительно Всеволода утверждалось, что "сие относится къ великому князю Всеволоду III сыну князя Ольга Святославича Тмутараканскаго"⁶. Между тем в отрывке речь не могла идти о князе Всеволоде Ольговиче, умершем 1 августа 1146 г., а потому никак не могшем "поблюсти" в 1185 г. "отня злата стола". В виду имелся знаменитый князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, предпринявший в 1183 г. успешный поход Волгою на населявших Среднее Поволжье болгар. Такие ошибки в определении лиц - современников и участников злосчастного поражения русских полков от половцев в 1185 г. можно умножить, но ясно одно: первые читатели и издатели "Слова о полку Игореве" явно затруднялись при характеристике тех князей и княгинь, тех событий, которые были современны неудачному походу Игоря в половецкую степь.

Тем больше трудностей должна была вызвать интерпретация исторических реминисценций, щедро рассыпанных в "Слове". Уже в начале поэмы упоминался вещий Боян, который помнил "първыхъ времянь усобицъ", а в конце говорилось о песне "старымъ княземъ" ⁷. Что это за первые, т. е. начальные, древние, времена, какие усобицы имелись в виду, кто именно были безымянные старые князья - на все это нужно было давать ответы. Их правильность позволяла глубже и разностороннее оценивать попавший в руки А.И.Мусина-Пушкина редкостный памятник. Но сделать это было нелегко. Правда, правильное осмысление одного исторического припоминания, отраженного в "Слове", пришло довольно скоро.

Свидетельство древней поэмы о Бояне, который пел песню "храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълки Касожьскими" ⁸, было обстоятельно прокомментировано уже в переводе, подготовленном для Екатерины II. Там было указано, что речь идет о сыне Владимира Святославича Мстиславе, княжившем в Тмуторокани; что в 1022 г. Мстислав ходил походом на касогов; что Редедя был касожским князем, который предложил Мстиславу решить исход битвы единоборством между ними. Мстислав согласился. Князья начали бороться, Мстислав стал изнемогать, но ему удалось бросить противника на землю и нанести удар ножом. Русский князь вышел победителем ⁹. Комментарий не потребовал от переводчиков XVIII в. больших усилий. Летописная статья 1022 г. была единственной, которая повествовала о гибели Редеди. Она читалась во многих русских сводах, и пересказать ее не составляло особого труда. Что касается других лиц и событий XI в., упоминаемых в "Слове о полку Игореве", то на верное их истолкование ученые тратили многие десятилетия и даже века.

Какие же события XI в. отражены в "Слове"? История единоборства Мстислава с Редедей является самым ранним эпизодом XI столетия, о котором упоминает автор поэмы. Указание на самое позднее событие XI в. заключается в словах памятника "были пльци Ольговы, Ольга Святъславличя" ¹⁰. В виду имеются походы внука Ярослава Мудрого князя Олега против сына и внука того же Ярослава Всеволода и Владимира Мономаха. Первый поход имел место летом 1078 г., когда Олег со своими союзниками разгромил Всеволода Ярославича на р. Соже и занял Чернигов, бывшее владение своего отца. Второй поход состоялся в октябре 1078 г., когда Олег хотел помочь черниговцам, но потерпел поражение и бежал. Третий поход был предпринят летом 1094 г. на княжившего в Чернигове Владимира Мономаха, который на сей раз вынужден был уступить черниговский стол Олегу. В 1096 - 1097 гг. Олег вновь воевал против Владимира Мономаха и его сыновей. Борьба закончилась в марте 1097 г. ¹¹ Очевидно, окончание этого противоборства и должно быть признано тем наиболее поздним историческим событием, которым ограничиваются относящиеся к XI в. припоминания в "Слове о полку Игореве". Таким образом, хронологический диапазон этих припоминаний оказывается достаточно широким: с 1022 г. по 1097 г., т. е. три четверти века.

Следует подчеркнуть, что данное заключение возможно лишь при привлечении для характеристики фактов, отраженных в "Слове о полку Игореве", летописных текстов. В самом "Слове" никаких указаний на годы, месяцы и числа нет. Они есть только в летописях. Широкое же сопоставление "Слова" с летописями приводит иногда к мысли, что все историческое для автора "Слова" находит подтверждение в летописных сводах и певец "полка Игорева" был хорошо знаком с летописными памятниками. В свое время Д.С.Лихачев писал, что исторические воспоминания в "Слове" "все связаны с событиями, отмеченными в "Повести" (речь идет о "Повести временных лет" - **В.К.**) и не выходят за ее пределы", что "автор "Слова" как бы видит исторические события XI в. в освещении "Повести", он "исходит из нее" ¹². Тем самым подчеркивались и громадное значение для русской культуры памятников раннего летописания, и широкая образованность творца замечательной поэмы. Однако такая высказываемая из благих побуждений мысль имеет и свою отрицательную сторону. Когда в середине XX в. вновь стали раздаваться голоса о подделке "Слова" в XVIII в., то сторонники такой точки зрения аргументировали ее полной зависимостью поэмы от сохранившихся летописей. Объявлялось, что некий фальсификатор тщательно изучил летописи и на их основании сумел не только в высокой художественной манере воссоздать историю горького поражения князя Игоря от половцев в 1185 г., но и сделать экскурсы в предшествующее столетие. Поэтому необходимо

самое полное и тщательное сопоставление данных "Слова о полку Игореве" со сведениями русских летописей. К такому сравнению и следует перейти.

Уже в начале поэмы говорится, что Боян пел песню не только "храброму Мстиславу", но и "красному Романови Святьславличю"¹³. Речь идет о Романе, сыне князя Святослава Ярославича. В летописи о Романе говорится всего дважды: сообщается, что в 1077 г. он княжил в Тмуторокани, а в 1079 г., совершив с половцами безуспешный поход к Воиню на устье Сулы, на обратном пути 20 августа он был ими убит¹⁴. Определение "красный" применительно к Роману в летописи отсутствует. Не может считаться расхожим этот эпитет и в "Слове о полку Игореве". Ко князю он отнесен единственный раз¹⁵. Очевидно, автор "Слова о полку Игореве" знал о том, что Роман Святославич был красив, не из летописи.

Прерывая свое описание начала битвы Игоря с половцами 11 мая 1185 г., автор "Слова" дает экскурс в историю XI столетия: "минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ в златъ стремянь въ градѣ Тмутороканѣ, тои же звонъ слыша давнии великыи Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ."¹⁶ Кто такой князь Олег, нам уже известно. Но как мог слышать звон его стремени "давнии великыи" Ярослав Мудрый, который умер, когда его внук Олег или еще не родился, или был пленочником? Дело, однако, в том, что "Слово о полку Игореве" - памятник поэтический, где слова могут употребляться сразу в нескольких значениях, они полисемантически. "Тои же звонъ" - не тот же самый, а такой же звон. Иносказательно речь идет об угрозе Ярославу Мудрому, исходившей из той же Тмуторокани. Летописи сообщают, что в 1023 г. брат Ярослава Мстислав, княживший в Тмуторокани, пошел с хазарами и подчинившимися ему после гибели Редеди касогами на Ярослава¹⁷. Выясняется, что автор "Слова" знал о Мстиславе Владимировиче гораздо больше, чем написано об этом князе в его произведении. Он знал не только о победе Мстислава над Редедеем, но и о княжении Мстислава в Тмуторокани, о вражде его с Ярославом. Источник этих знаний точно указан быть не может. Но им могла быть и летопись, поскольку те факты о Мстиславе, которые можно извлечь из "Слова", есть и в известных к настоящему времени летописных сводах.

Вернемся, однако, к "Слову". Звон стремян Олега Святославича очень неприятен Владимиру Всеволодовичу. Речь идет о Владимире Мономахе. Находясь в Чернигове, он "уши закладаше". Ясно, что если звук неприятен, то лучше его не слышать. Но почему Мономах делает это в Чернигове да еще "по вся утра"? Чернигов - владение отца Олега Святослава Ярославича. Однако когда он в 1073 г. стал киевским князем, то отдал Чернигов своему брату-союзнику Всеволоду. После смерти Святослава на Русь вернулся изгнанный их старший брат Изяслав. Всеволод вынужден был уступить Изяславу киевский стол, а сам довольствоваться Черниговом и отчинным Переяславлем. Став киевским князем, Изяслав начал восстанавливать свою власть над землями, которыми он обладал изначально, по завещанию своего отца Ярослава Мудрого. Но в 1077 г. эти земли были заняты его племянниками Святославичами: Глеб владел Новгородом, а Олег - Владимиром Волынским. Оба князя лишились своих столов, причем Глеб в 1078 г. был убит в Заволочьи¹⁸. Безземельный Олег приехал в Чернигов, надеясь получить отцовское достояние. Но Всеволод не отдал ему Чернигова. Тогда Олег бежал к брату Роману в Тмуторокань. С этого момента и начались приводы Олега на Русскую землю половцев, о которых говорит "Слово". Олег хотел вернуть себе владение отца, но Чернигов ему не уступали. Только летом 1094 г., когда Олег с половцами осадил Чернигов, Мономах оставил город. Чернигов потому и упомянут в "Слове", что стал яблоком раздора между двумя двоюродными братьями, ранее тесно дружившими и даже духовно породнившимися между собой.

В 1094 г. Мономах, узнав о военном походе Олега из Тмуторокани, должен был позаботиться об обороне Чернигова. Согласно "Слову" он это и делал, поскольку другое значение выражения "закладывать уши" - закрывать уши, проушины, проемы, балкой запирают ворота. Городские ворота запирались на ночь, а утром открывались. Мономах же, по "Слову", запирает ворота Чернигова уже с утра. Ни в какой летописи о мерах Мономаха по обороне Чернигова не говорится. Но в "Поучении" Мономаха сообщается, что при осаде города Олегом с половцами "бишася дружина моя с нимъ 8 днии о малу греблю и не вдадуче имъ въ острогъ"¹⁹. Следовательно, Чернигов был действительно

укреплен. Отвлеченные, казалось бы, строки поэмы отразили реалию событий 1094 г., штрих, не указанный памятниками летописания.

Вслед за разобранными строками в "Слове о полку Игореве" следует пассаж о битве на Нежатице ниве 3 октября 1078 г. Анализировать его подробно не имеет смысла, поскольку этому посвящена специальная статья²⁰. Но необходимо подчеркнуть, что уникальное упоминание в памятнике о действиях в это время Святополка, сына убитого в битве киевского князя Изяслава, оказывается вполне достоверным и объясняет целую цепочку событий в истории Киевского княжества последней четверти XI - начала XII вв.: и отсутствие на похоронах Изяслава многим обязанного ему брата Всеволода, и последующее вокняжение Всеволода в Киеве, и то, почему по смерти отца киевским князем стал не Владимир Мономах, а Святополк Изяславич.

Между "Золотым словом" Святослава и "Плачем" Ярославны автор "Слова" поместил большой рассказ о полоцком князе Всеславе Брячиславиче. Деяния этого князя, умершего в первый год XII в., на Руси помнили долго. В 1147 г. киевляне вспоминали, как в 1068 г. их предки освободили Всеслава из поруба и сколько зла это принесло городу²¹. А в 1180 г. новгородцы, зная, что Всеслав Полоцкий когда-то ограбил их церковь, взяв дарохранительницу и служебные сосуды, а также отторг у них территорию одного погоста, намеревались "оправити ... обиду" и идти походом на Полоцк²². Два места "Слова о полку Игореве" о Всеславе до сих пор вызывают затруднение в исторической интерпретации: Всеслав "клюками подпръся о кони и скочи къ граду Киеву, и дотчесь стружиемъ злата стола Киевскаго" и он же "утръже вазни с три кусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу..."²³ Первый отрывок рисует движение Всеслава вверх. Он опирается, прыгает и стружием дотрагивается (дотыкается) до киевского престола. Иносказательно изложен самый драматичный эпизод в жизни полоцкого князя. 10 июля 1067 г. Всеслав был вероломно арестован Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами в Орше, приведен в Киев и посажен в поруб. 15 сентября 1068 г. он был освобожден восставшими киевлянами и провозглашен киевским князем²⁴. Полоцкий князь действительно совершил стремительный скачок: из ямы-поруба (Всеслав сам говорил, что избавился "от рва сего")²⁵ он сел на княжеский стол, из жалкого пленника превратился в правителя могущественного княжества. Поскольку от Орши до Киева Всеслава в июле 1067 г. явно должны были везти скованным, можно думать, что в порубе полоцкий князь сидел в кандалах. Игоря Ольговича, например, в 1146 г. привезли к порубу "оковавы и"²⁶. Во всяком случае, Всеслава "высекали" из поруба, тогда как иных узников из порубов "высаживали" или "выимали"²⁷. Если Всеслав 14 месяцев просидел недвижно в оковах, то при своем неожиданном освобождении ему действительно надо было на что-то опираться при ходьбе. Очевидно, в "Слове" отражена мелкая деталь освобождения полоцкого князя, другим дошедшим до нашего времени источникам неизвестная. Но этого мало. "Клюка" - в древнерусском языке означает хитрость. Считается, что Всеслав получил свободу с помощью какой-то хитрости. Но хитрости строил не он, а строили ему. Осмысляя судьбу Всеслава, автор "Слова" хочет сказать, что основой, опорой превращения полоцкого князя в князя киевского стали те козни против него, что совершили Ярославичи 3 июля 1067 г. Не будь их, Всеслав не смог бы вокняжиться в Киеве.

Во втором отрывке почти 150 лет печатали "вознзи стрикусы" и ломали головы, что бы это значило. В 1948 г. Р.О.Якобсон предложил верную конъектуру: "вазни с три кусы", т. е. Всеслав добился успеха в трех попытках. В чем заключался успех, "Слово" говорит далее: "отвори врата Новуграду". Действительно, в 1067 г. Всеслав сумел на время захватить Новгород²⁸. Но при чем здесь число три? Исследователи указывали на еще одну попытку Всеслава занять Новгород в 1069 г.²⁹ Всего получалось две, третьей не было. Следует, однако, напомнить, что в 1065 г. Всеслав напал на Псков³⁰, а Псков принадлежал Новгороду. Автор "Слова" знал о всех трех нападениях Всеслава на Новгород (как на территорию Новгорода, так и на сам город) и знал, что только одно нападение было успешным.

Самое же примечательное заключается в приведенной в разделе о Всеславе фразе: "Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше"³¹. Выясняется, что Всеслав, стремясь удержать за собой Киев, вошел в соглашение со своими недавними врагами, Святославом и Всеволодом

Ярославичами, отдав им Новгород и Владимир Волынский, которыми раньше распоряжался их старший брат Изяслав. И когда Изяслав с помощью поляков в 1069 г. вернул себе Киев, он уже не нашел поддержки у братьев. Через 4 года те вообще изгнали Изяслава из Киева. Свидетельство "Слова" уникально, оно раскрывает причины той борьбы за власть, которая разгорелась на Руси в конце 60-х _ начале 70-х гг. XI в. ³²

Наконец, последнее конкретное известие "Слова о полку Игореве" о событиях XI столетия помещено в самом конце поэмы, где реке Донцу, помогшей Игорю бежать из половецкого плена, противопоставлена река Стугна: "Не тако ли, рече, рэка Стугна: худу струю имэя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князю Ростиславу затвори Днэпръ темнэ березэ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславэ" ³³. Речь идет о гибели 26 мая 1093 г. в р. Стугне бежавшего от половцев брата (по отцу) Владимира Мономаха князя Ростислава. Летопись сообщает, что Стугна тогда наводнилась, что вместе с Ростиславом реку переплывал Владимир Мономах, но он не смог помочь брату, что тело Ростислава потом нашли, принесли в Киев и все плакали "уности его ради" ³⁴. "Слово" не сообщает причины, по которой Ростислав должен был переправляться через Стугну, ничего не говорит о Мономахе, в иных, образных словах дает понять, что река была наводнена. Но поэма указывает и на детали, которые отсутствуют в летописи: что переправа проходила близ впадения Стугны в Днепр, что именно Днепр "затвори" князя Ростислава, причем у "темного берега", что Ростислав был юношей. Как следует из летописи, спасавшиеся от половцев Владимир и Ростислав хотели переправиться через Стугну и уйти на левый берег Днепра. Сделать это лучше всего было близ устья Стугны. Но Стугна была полноводна, имела сильное течение ("худу струю") и при впадении в Днепр должна была образовывать водовороты. В один из них, очевидно, и попал Ростислав. Потом тело князя течение Днепра прибило к крутому правому ("темному") берегу реки. Все эти мелкие реалии и изложены в поэме. Реально было и определение Ростислава как юноши. Он родился в 1070 г. ³⁵ В год смерти ему было 22 - 23 года. По В.И.Далю юношей считался человек от 15 до 20 с небольшим лет. В летописи сказано, что Ростислав был оплакан "оуности его ради" ³⁶, однако из таких слов нельзя заключить, что погибший был именно юношей, а не отроком. Очевидно, все перечисленные детали автор поэмы почерпнул не из летописи, а из другого или других источников. А поскольку в "Слове" прямо названы песни Бояна, слагавшего славы старым князьям, их и надо считать этими источниками.

Таким образом, в "Слове о полку Игореве" при изложении далеких от его автора событий XI в. обнаруживаются разного рода детали, которые при внимательном анализе оказываются не вымышленными, придуманными, а вполне реальными. Историческая ценность таких реалий неодинакова. Красота Романа Святославича, юность Ростислава Всеволодовича, переправа его у устья Стугны добавляют штрихи к нашим представлениям о людях и событиях XI столетия, но штрихи эти весьма скромны. Иное дело свидетельства "Слова" о раздаче Всеславом Полоцким городов князьям и повелении Святополка Изяславича привезти тело погибшего под Черниговом отца в Киев и похоронить в Софийском соборе. Эти свидетельства вносят существенные коррективы в историю политических взаимоотношений русских князей XI в. Но и большие, и малые детали "Слова о полку Игореве", относящиеся к этому столетию, обнаруживающие свою уникальность и полную достоверность, ясно свидетельствуют о подлинности этого выдающегося произведения древнерусской и мировой литературы.

Примечания

1. РНБ, ф. 550, ОСПК, Ф. IV. 651/3, с. 206; Козлов В.П. "Слово о полку Игореве" в "Опыте повествования о России" И.П.Елагина // Вопросы истории, 1984, № 8, с. 27 - 28 и примеч. 39. (В.П.Козлову принадлежит честь обнаружения самой ранней цитаты из "Слова о полку Игореве" в труде И.П.Елагина); Кучкин В.А. Ранние упоминания о мусин-пушкинском списке "Слова о полку Игореве" // Альманах библиофила, вып. 21. М., 1986, с. 64 - 72.
2. Херасков М.М. Творения, ч. II, СПб., 1897, с. 300 - 301.
3. Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-ое, М., 1967,

с. 44, 46, 47, 48, 49, 51, 54, 55, 56. Здесь и далее "Слово о полку Игореве" цитируется по этому изданию.

4. РНБ, ф. 550, ОСРК, Ф. IV. 651/3, с. 207.
5. Дмитриев Л.А. История первого издания "Слова о полку Игореве". Материалы и исследование. М.-Л., 1960, с. 326.
6. Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, с. 28, примеч. д.
7. Слово о полку Игореве, с. 43, 56.
8. Там же, с. 44.
9. Дмитриев Л.А. Указ. соч., с. 327.
10. Слово о полку Игореве, с. 48.
11. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ), т. I. Л., 1926 - 1928, стб. 200 - 201, 226, 236 - 240, 249.
12. Лихачев Д.С. Исторический и политический кругозор автора "Слова о полку Игореве" // Слово о полку Игореве. М.-Л., 1950, с. 9, 10.
13. Слово о полку Игореве, с. 44.
14. ПСРЛ, т. I, стб. 199, 204.
15. Виноградова В.Л. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве", вып. 3, Л., 1969, с. 19 - 20.
16. Слово о полку Игореве, с. 48.
17. ПСРЛ, т. I, стб. 147.
18. Там же, стб. 199.
19. Там же, стб. 249.
20. Кучкин В.А. "Съ тоя же Каялы Святоплъкъ..." // *Russia mediaevalis*, t. VIII, 1. München, 1995, S. 87 - 113.
21. ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 349.
22. Там же, стб. 608. О дате события см.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 199.
23. Слово о полку Игореве, с. 53.
24. ПСРЛ, т. I, стб. 167, 171.
25. Там же, стб. 172.
26. ПСРЛ, т. II, стб. 328.
27. ПСРЛ, т. I, стб. 171; стб. 162, т. II, стб. 337.
28. Там же, т. I, стб. 166.
29. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 17.
30. Там же.
31. Слово о полку Игореве, с. 54.
32. Подробнее см.: Кучкин В.А. "Слово о полку Игореве" и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // Вопросы истории, 1985, № 11.
33. Слово о полку Игореве, с. 55.
34. ПСРЛ, т. I, стб. 219 - 221.
35. Там же, стб. 174.
36. Там же, стб. 221.